

С. И. Дмитриева

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ РУССКИХ БЫЛИН

(ПО МАТЕРИАЛАМ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.)

Географическое распространение русских былин — вопрос очень сложный и почти не исследованный фольклористами. Разработка этого вопроса поможет решению одной из центральных проблем фольклористики — проблемы происхождения былин и их последующей истории.

Литература, посвященная былинам, огромна, однако их географическое распространение почти не нашло в ней отражения¹. В настоящей статье сделана попытка исследовать, используя метод картографирования², географическое распространение былин на территории России в конце XIX — начале XX в., т. е. в период, известный как классический в истории собирания былин.

В работе использованы следующие сборники былин: «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 1—5, М., 1860—1863; «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», под ред. А. Е. Грузинского, т. I—II, М., 1909—1910; «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I—III, М.—Л., 1949—1951; «Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Подготовка текстов, статьи и примечания А. М. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан», Петрозаводск, 1948; А. В. Марков, Беломорские былины, М., 1901; «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. I—М., 1904; т. II — Прага, 1939; т. III — СПб., 1910; Н. Е. Ончуков, Печорские былины, СПб., 1904; «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским», «Труды музыкально-этнографической комиссии», М., ч. I, 1905; ч. II, 1911.

Помимо этих основных сборников, использованы два сводных собрания былин³. В одно из них — «Русские былины старой и новой записи» — включены опубликованные в 1880—1890 гг. былины, собранные С. И. Гуляевым в южной Сибири, И. А. Худяковым в Якутской области, Е. В. Барсовым в Олонецкой губернии, П. С. Ефименко в Архангельской губернии, Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем в Архангельской и Олонецкой губерниях, И. И. Железновым, Н. Г. Мякушиным у уральских казаков. В другой сборник — «Былины новой и недавней записи» — кроме отдельных текстов, перепечатанных из периодических собраний, вошли былины, записанные А. В. Марковым и Б. А. Богословским на побережье Белого моря, Н. С. Шайжиным в Петрозаводском и Пудожском уездах Олонецкой губернии, В. Г. Богоразом в Якутской области, М. Карпинским в терских казачьих станицах, А. И. Мякутиным у оренбургских

¹ Обзор работ, в которых уделяется внимание этому вопросу, содержится в книге А. М. Астаховой «Былины. Итоги и проблемы изучения», М.—Л., 1966, стр. 215—232.

² Мысль о применении картографирования при изучении былин была подсказана мне М. В. Витовым.

³ «Русские былины старой и новой записи», под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, М., 1894; «Былины новой и недавней записи из разных местностей России», под ред. Вс. Миллера, М., 1908.

казаков, А. А. Догадиным у астраханских казаков, С. Я. Арефиным у донских казаков и др.

В работе учтены также записи былин, производившиеся после 1908 г. братьями Б. и Ю. Соколовыми⁴ в Белозерском крае, В. М. Зензиновым⁵ в с. Русское Устье Якутской области, А. А. Савельевым⁶ в Приангарском крае, А. В. Пруссак в Иркутской губернии⁷, И. Чеканинским⁸ в Енисейской и О. Э. Озаровской⁹ в Архангельской губерниях.

Большинство использованных сборников относятся примерно к одному периоду, охватывающему 35 лет (от 1867 г., когда начал собирать былины П. Н. Рыбников, до 1902 г., когда собирал былины Н. Е. Ончуков)¹⁰. Это дает возможность говорить об единовременности эпических традиций сравниваемых районов. Следует подчеркнуть, что собирание былин в этот период носило стихийный характер. Картина распространения эпической поэзии была неясна собирателям, и каждый из них, в каком бы районе России он ни работал, стремился найти там былины. В последующее же время (1920—1930-е годы), когда выявились основные очаги былин, поездки предпринимались в основном по маршрутам прежних собирателей. Это соответствовало и задачам советских исследователей — изучить судьбы былинной традиции и сказительских школ, раскрыть идейное содержание эпических произведений. Поэтому в рассматриваемый период (конец XIX — начало XX в.) можно с большим правом сопоставлять распространение былин в различных районах. Ограничиться этим периодом позволяет и то обстоятельство, что собирательская работа последующего времени не выявила таких очагов былинной традиции, которые бы существенно меняли картину распространения эпоса¹¹.

Материал, содержащийся в использованных сборниках, довольно разнороден. Стремясь зафиксировать все, что хоть в какой-то мере свидетельствует о былинной традиции, собиратели записывали и включали в сборники не только собственно былины, но и прозаические пересказы их и сказки на былинные сюжеты. В сборниках П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. В. Маркова и Н. Е. Ончукова имеются баллады, скоморошины, исторические песни, которые в районах, где работали эти собиратели, по форме не всегда отличались от былин и часто исполнялись в эпической манере.

Неравноценны сборники и по качеству помещенных в них былинных текстов и по количеству сведений, характеризующих эпические традиции изучаемых районов. Это объясняется разными методами собирания и записи былин у разных исследователей. Как известно, в рассматриваемый период только Гильфердинг и его последователи — Марков, Григорьев,

⁴ Б. И. Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915.

⁵ В. М. Зензинов, Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда, «Этнографическое обозрение», 1913, № 1—2.

⁶ А. А. Савельев, Былинный эпос в Приангарском крае, «Известия Среднесибирского отдела Русского географического общества», Красноярск, 1928.

⁷ А. Пруссак, Былины, бывальщина и три песни, «Живая старина», 1907, вып. 1.

⁸ И. Чеканинский, Енисейские старины и исторические песни, «Этнографическое обозрение», 1915, № 1—2.

⁹ О. Э. Озаровская, Бабушкины старины, М., 1922.

¹⁰ Несколько выходят за эти рамки сборники П. В. Киреевского, Б. и Ю. Соколовых и О. Э. Озаровской. Сборник П. В. Киреевского, хотя и начал издаваться одновременно со сборником П. Н. Рыбникова, включает материалы 1840-х и 1850-х годов. Тем не менее большинство помещенных в нем былин относится к 1860-м годам. Былины для сборника Б. и Ю. Соколовых собирались в 1908 г., и, таким образом, их отделяет от былин сборника Н. Е. Ончукова всего шесть лет. Вряд ли можно говорить о существенных изменениях былинной традиции за это время. Что касается былин из собраний О. Э. Озаровской, то они были записаны от М. Д. Кривополеновой, от которой в свое время записывал А. Д. Григорьев. Таким образом, хотя эти былины фиксировались в разное время, они фактически представляют былинную традицию одного поколения.

¹¹ «Онежские былины», «Летописи Гос. литературного музея», кн. XIII, М., 1948; А. М. Астахова, Былины Севера, М.—Л., т. I, 1938, т. II, 1951, и др.

Ончуков — применяли научный метод собирания былин. Их сборники выделяются не только более совершенной техникой записи текстов, но и обилием сведений. В этих сборниках всегда названы место записи былины и место рождения исполнителя. Обычно в них сообщается, где и у кого выучил былину тот или иной певец. Однако во многих сборниках, и прежде всего в большом собрании Киреевского, нередко не указаны ни место записи, ни имя сказителя. Зачастую неопределенны сведения о месте происхождения той или иной былины: «Архангельская губерния», «Олонекская губерния», «Онега» (в последнем случае неясно, что имеется в виду — город или река Онега). Еще более общие сведения о месте записи былин («у уральских казаков») встречаются в сборниках Мякушина и Железнова. Не всегда точные данные и в сборниках Шайжина, Барсова и Шахматова.

Отдельные былины повторяются в ряде сборников (в собраниях Рыбникова, Гильфердинга, Барсова, Шайжина и Шахматова). Это связано часто с тем, что собиратели записывали былины от одних и тех же сказителей. Гильфердинг, например, совершал свою поездку по маршруту Рыбникова. Кроме того, повторы объясняются тем, что в сборники включались былины, опубликованные в других изданиях. Так, в собрании Киреевского немало былин из сборников Гильфердинга и Рыбникова, а в сборниках под редакцией Тихонравова и Миллера — былин из периодических изданий.

При отборе и систематизации материала, содержащегося в сборниках, я руководствовалась общепринятым определением былин как «особого вида русских эпических песен, начавших складываться в ранний период эпохи феодализма и посвященных теме защиты родины, общественной жизни и быта нашего народа». Отличительным признаком былин считается стихотворный размер и речитативное исполнение¹². Исходя из этого определения, в работе учтены только собственно былины, т. е. героические былины и былины-новеллы. Былины-баллады, скомошьи былины и былины на сказочные сюжеты, исполнявшиеся в эпической манере лишь на Севере, во внимание не приняты, так как по своему содержанию они не связаны с эпическими героями. Исключены также прозаические пересказы былин, ибо в них отсутствует стихотворный размер, являющийся одним из основных жанровых признаков былины. Подобные пересказы, как и сказки о богатырях, можно встретить в районах, где эпической традиции никогда не было. Особо нужно сказать о былинах, записанных у казаков. Еще В. Ф. Миллер подчеркивал их коренное отличие от северных былин, обусловленное многоголосным исполнением¹³. Особенность музыкального исполнения казачьих былин в сочетании с фрагментарностью и краткостью текстов побудили известного собирателя и исследователя казачьего фольклора А. М. Листопадова назвать их былинными песнями¹⁴. К этому определению присоединяется и А. М. Астахова¹⁵. Таким образом, казачьи песни на былинные сюжеты лишь условно можно отнести к былинам.

При картографировании былин важно, чтобы каждая былана учитывалась только один раз; поэтому я сопоставила все использованные в статье сборники и исключила дублирующий материал¹⁶. Если место

¹² «Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов», под общей ред. П. Г. Богатырева, М., 1956, стр. 324—325.

¹³ В. Ф. Миллер, Казачьи эпические песни XVI и XVII вв., «Очерки русской народной словесности», т. III, М.—Л., 1924.

¹⁴ А. М. Листопадов, Песни донских казаков, т. I, ч. I, стр. 31.

¹⁵ А. М. Астахова, Вопросы изучения донской былины, сб. «Народная устная поэзия Дона. Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18—23 декабря 1961 г.», Ростов, 1963.

¹⁶ Например, былина о Ставре Годиновиче, записанная от одного сказителя, встречается в сборниках П. Н. Рыбникова (№ 75), Е. В. Барсова (стр. 67—71) и «Былины старой и новой записи» (№ 58). При сличении различных сборников, содер-

записи той или иной былины в сборнике не указано и установить его невозможно, эта былина в расчет не принималась.

Если о сказителях имеются подробные сведения, то учитывалось не место записи той или иной былины, а место, где сказитель выучил ее, или место, откуда сказитель родом. Например, былины, выученные Аграфеной Крюковой в ее родном селе Чаванге, были отнесены к Александровскому уезду, где расположено это село, а не к Архангельскому уезду, в котором (в с. Зимняя Золотица) записал эти былины А. В. Марков¹⁷. Другой пример: о сказителе родом из д. Гагарки Пудожского уезда¹⁸ сообщается, что он выучил былины от деда, который, в свою очередь, перенял их от уроженца Андомского погоста Вытегорского уезда; я отношу эти былины к Вытегорскому уезду. Такой способ дает возможность выявить более древние очаги былинной традиции.

В тех случаях, когда нужно было установить уезд, к которому относится селение, я пользовалась «Списком населенных мест Российской империи» (СПб., 1861—1885).

На основе отобранного и систематизированного таким образом материала мною составлены таблица, показывающая число записей былин, приходящихся на уезд, и карта распространения былин в Европейской части России¹⁹.

Былины, как видно из карты, сосредоточены в основном на Европейском Севере, в Архангельской и Олонецкой губерниях. На большинство уездов этих губерний приходилось по несколько десятков записей былин, а в Мезенском уезде число их достигает 170.

Ничего подобного нет в других губерниях России. Там былины либо вовсе отсутствуют, либо их очень мало. Совсем нет былин в Псковской, Смоленской, Ярославской, Костромской, Тверской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Казанской и Астраханской губерниях. По одной былине записано в Вологодской, Владимирской, Калужской, Орловской, Воронежской и Рязанской губерниях. Единичны записи и в приуральских губерниях: Пермской и Уфимской. Семь былин зафиксировано в Московской губернии, в том числе четыре в самой Москве, в мещанской среде. Немного больше записей сделано в поволжских губерниях: Нижегородской, Симбирской, Саратовской. Около 40 записей былин, вернее песен на былинные сюжеты, произведено среди донских, терских и уральских казаков.

Таким образом, в рассматриваемый период на всем огромном пространстве Европейской России эпическая традиция сохранялась только в Архангельской и Олонецкой губерниях, где число записей былин достигает 676. Во всех же остальных губерниях сделано всего 105 записей, включая 43 записи казачьих песен на былинные сюжеты, которые, как уже говорилось, лишь условно можно считать былинами. Напомним, что плотность населения в Архангельской и Олонецкой губерниях значительно меньше, чем во многих других.

жащих дублирующий материал, за основной сборник брался тот, в котором даются более подробные сведения о сказителях и местах записи. Так, сопоставляя сборники Гильфердинга и Рыбникова, я использовала в качестве основного сборник Гильфердинга; у Рыбникова же взяты только те былины, которых нет в сборнике Гильфердинга. Записи этих собирателей, встречающиеся в дополнениях к выпускам «Песен П. В. Киреевского», в расчет не принимались. В том случае, когда одни и те же записи былины представлены и в отдельных изданиях, и в сводных сборниках, используются, как правило, отдельные издания, так как в них легче найти указание на место записи тех или иных былин.

¹⁷ А. В. Марков, Беломорские былины, СПб., 1901, № 1—39.

¹⁸ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I, М., 1909 (далее А. Ф. Гильфердинг, Указ. раб.), № 63—68.

¹⁹ В статье не приводится карта распространения былин в Сибири, так как для разработки проблемы происхождения богатырского эпоса это не имеет принципиального значения. Известно, что былины в Сибирь были занесены значительно позднее.

Число героических былин, приходящихся на уезд

Губернии	Уезды	Число былин	Губернии, области	Уезды, округа	Число былин
Петербургская	Новоладожский	1	Симбирская	Симбирский	6
Олонецкая	Лодейнопольский	2		Сызранский	6
	Петрозаводский	76		Корсунский	9
	Повенецкий	24	Воронежская	Землянский	1
	Пудожский	90	Самарская	Самарский	1
	Вытегорский	9	Саратовская	Петровский	4
Архангельская	Каргопольский	25		Хвалынский	1
	Шенкурский	5		Саратовский	1
	Архангельский	80	Донская обл.	I Донской округ	6
	Онежский	8		II Донской округ	4
	Кемский	22		Усть-Медведицкий округ	2
	Александровский	36	Терская обл.	Кизлярский округ	12
	Пинежский	71		Грозненский округ	3
	Мезенский	170	Пермская	Соликамский	1
	Печорский	61		Кунгурский	2
Вологодская	Тотемский	1	Уфимская	Мензелинский	2
Новгородская	Кирилловский	2		Уфимский	1
	Белозерский	1	Уральская*		8
	Валдайский	1	Оренбургская	Оренбургский	8
Владимирская	Новгородский	1	Енисейская	Енисейский округ	9
Московская	Юрьевский	1		Минусинский округ	1
	Московский	5		Ачинский округ	1
Нижегородская	Коломенский	2		Бийский округ	6
	Горбатовский	7	Томская	Барнаульский округ	23
	Сергачский	1			
Калужская	Боровский	1	Иркутская	Иркутский	2
Тульская	Алексинский	1	Якутская обл.	Верхоянский	4
Рязанская*		1		Нижеколымский	11
Орловская	Малоархангельский	1			

* Уезд, в котором произведена запись, не указан, и установить его невозможно.

Поразительны различия и в качестве былинных текстов. Если в большинстве губерний, где произведены записи, тексты сохранились в сокращенном, скомканном виде, зачастую в отрывках, то на Севере, напротив, записаны превосходные художественные тексты, многие из которых содержат до 500 стихов. Именно в северных губерниях собиратели в конце XIX в. обнаружили живую творческую традицию и услышали перво-классных мастеров былинного сказительства. В целом ряде мест этих губерний (южная часть Заонежья, Пудожский край, Кенозеро, Мезень, Зимний берег, Печора) былины тогда широко бытовали. Местные сказители настолько владели техникой былинного сказительства, что могли переложить в былинную любую песню и даже сказку. А. В. Марков, исследовавший Зимний берег Белого моря, приводит любопытный в этом отношении пример: «После того, как репертуар двух сказителей, певших мне старины вместе, Бурой и Лыткиной, уже истощился, они, желая получить еще гонорара, своим обычным былинным напевом заплели следующее: „Из-за гор, за гор, да крутых, да высоких“» и т. д., т. е. обычную лирическую песню, обладавшую другим размером. То же самое они хотели проделать и с другой лирической, рекрутской песней²⁰. А. Ф. Гильфердинг, характеризуя эпическую традицию Выгозера, Кенозера и Водлозера, отмечал, что «эпическая поэзия и теперь там бьет ключом»²¹. В Кенозере, по его словам, «воздух... пропитан духом эпической поэзии»²².

²⁰ А. В. Марков, Указ. раб., стр. 17—18.

²¹ А. Ф. Гильфердинг, Указ. раб., т. I, стр. 37.

²² Там же, стр. 48.

В других губерниях картина совершенно иная. Скучные, случайные записи былин, произведенные там, свидетельствуют об отсутствии эпической традиции, во всяком случае в рассматриваемый период²³.

Тот факт, что былинная традиция отсутствует в большинстве средне- и южнорусских губерний, а также на Украине и в Белоруссии, давно привлекал внимание исследователей. В попытках объяснить его они исходили из казавшегося им несомненным положения, что когда-то былины бытовали в России повсеместно. Больше или меньшее число записанных былин они считали результатом случайности: просто в одной местности оказались этнографы-собиратели, в другой их не было. «Не объясняются ли,— пишет, например, А. М. Лобода,— преобладание былин в Симбирской и Нижегородской губерниях деятельностью Языковых, Шейна, священника Фаворского, которые поспешили вовремя спасти угасающие остатки былин?»²⁴. Однако известно, что Шейн не менее энергично собирал песни в Тульской, Калужской, Смоленской, Минской и Витебской губерниях, но ни одной былины здесь он не записал; Рыбников, прежде чем попасть в Олонецкую губернию, собирал фольклор в Черниговской губернии, но былин не нашел.

Известно, что на долю белорусских, украинских и русских несеве- рных губерний приходилось не меньше (если не больше) собирателей, чем на Архангельскую и Олонецкую губернии²⁵. К тому же работать в северных губерниях собирателям народного творчества было гораздо труднее, чем во многих других губерниях России. Достаточно вспомнить, в каких тяжелых условиях собирали былины Н. Е. Ончуков и А. Д. Григорьев, вынужденные в морозную погоду преодолевать в поисках былин огромные расстояния между населенными пунктами. Начиная с 1860-х годов; после того как П. Н. Рыбников открыл былинные очаги в Олонецкой губернии, былины становятся центром внимания каждого собирателя. С этого времени и до начала XX в. появляются многочисленные сборники песен, «...архив этнографического отделения Географического общества, можно сказать, ломится от обилия присылаемых этнографических материалов, однако среди множества записей бытовых песен былин не оказывается»²⁶.

Открытие в конце XIX — начале XX в. новых центров былинной традиции на Севере А. Д. Григорьевым, А. В. Марковым и Н. Е. Ончуковым, записавшими там сотни былин, показало, что первые находки былин в северных районах не были случайностью; малое же число былин в несеве- рных районах свидетельствует об отсутствии там былинной традиции, по крайней мере в XIX в.

Многие исследователи стали искать причины более раннего, чем на Севере, исчезновения былинной традиции в несеве- рных районах (опять- таки исходя из положения, что былины были когда-то распространены по всей России). Главную причину они видели в том, что бурные политические события, пришедшие на смену воспеваемым в былинах, способствовали распространению исторических песен (исторических дум на Украине), вытеснивших из народной памяти богатырские песни. Консервации же былинной традиции на Севере способствовала будто бы обособленность русского Севера. Однако, во-первых, вплоть до XVIII в. русский Север не был захолустным краем, через него проходили торговые

²³ Исключение составляют Барнаульский округ Томской губернии и Верхоянский округ Якутской области, где обнаружена былинная традиция, хотя и гораздо более слабая, чем на Севере.

²⁴ А. М. Л о б о д а, Русский богатырский эпос, Киев, 1896, стр. 90.

²⁵ Подробно об этом см.: В. Ф. М и л л е р, Наблюдения над географическим распространением былин, «Очерки русской народной словесности», т. I, М., 1897, стр. 66—67.

²⁶ Там же, стр. 67. Против «случайности» записи былин на Севере свидетельствует тот факт, что и в дальнейшем собирательская работа, как уже говорилось, не выявила новых очагов былинной традиции, существенно менявших карту распространения былин.

пути, связывавшие Россию со странами Западной Европы²⁷. Во-вторых, жители Севера были в курсе позднейших политических событий, о чем свидетельствуют записанные у них исторические песни, которые здесь не только не вытеснили былинный эпос, но и сами подверглись его влиянию. Многие фольклористы (А. Ф. Гильфердинг, П. Н. Рыбников, А. В. Марков, Н. Е. Ончуков) считали, что былины сохранились на Севере потому, что там были наиболее благоприятные для этого условия: «свобода и глушь»²⁸, «отсутствие просвещения» и безграмотность, «вынужденный досуг во время работы на промыслах»²⁹ и др.

Все это, конечно, способствовало сохранению эпоса, но можно ли считать, что только для северных губерний были характерны «свобода и глушь», «отсутствие просвещения», «вынужденный досуг»?

Под свободой понималось отсутствие крепостного права. «Ощущая себя свободным человеком,—писал А. Ф. Гильфердинг,—русский крестьянин не терял сочувствия к идеалам свободной силы, восплаемым в старинных рапсодиях»³⁰. Однако еще А. М. Лобода отметил, что на Дону была большая свобода, чем на Севере, а эпос в такой сохранности, как на Севере, там не обнаружен³¹. Известно также, что и в тех областях России, где было развито крепостное право, записано немало свободолобных исторических и других песен. Как объяснить к тому же, что в Вологодской области, где не было крепостного права, не зафиксирована эпическая традиция?

Что касается глуши, то вряд ли славившиеся былинами Архангельская и Олонецкая губернии представляли собой в рассматриваемый период большую глушь, чем, скажем, Вологодская губерния. Кроме того, близость к культурным центрам сама по себе не разрушала традиционного фольклора. Например, Заонежье, известное богатством эпической традиции, было тесно связано с Петрозаводском, и немалое число сказителей не только бывало, но и работало в Петрозаводске и даже Петербурге.

Не следует переоценивать как причину сохранения былин и «отсутствие просвещения», «неграмотность». Известно, что по грамотности населения Олонецкая и Архангельская губернии не уступали многим другим русским губерниям. Исследования А. М. Астаховой показали, что грамотность не уничтожает былинной традиции и что среди лучших сказителей процент грамотных был достаточно высок³².

Из перечисленных причин, якобы обусловивших сохранение былинной традиции, наибольшего внимания заслуживает «вынужденный досуг» во время работы на различных промыслах. И А. В. Марков, и А. Д. Григорьев, и Н. Е. Ончуков не раз подчеркивали, что крестьяне охотнее всего поют былины в осенние вечера на промыслах рыбы или морского зверя, когда из-за наступления темноты им приходится прекратить работу и долгий досуг нечем заполнить. Но как объяснить тогда живучесть былинной традиции в Онежском крае, где земледелие, по крайней мере уже с XV в., занимало основное место в хозяйстве крестьян, а промыслы были развиты намного слабее? Кроме того, как замечает Миллер, крестьяне других русских областей часто сопровождают одно-

²⁷ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», М., 1955, стр. 131—135.

²⁸ О причинах, способствовавших консервации былинной традиции на Севере, А. Ф. Гильфердинг писал: «Этих причин две — „свобода и глушь“, причем необходимо было их совместное действие». См. А. Ф. Гильфердинг. Указ. раб., т. I, стр. 34.

²⁹ Об этом см.: А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, Петрозаводск, 1948, стр. 30, сл.; В. Я. Пропп, Русский героический эпос, Л., 1955, стр. 494—495.

³⁰ А. Ф. Гильфердинг, Указ. раб., т. I, стр. 35.

³¹ А. М. Лобода, Указ. раб., стр. 102.

³² А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, стр. 31.

образную и скучную работу заунывным и протяжным пением, и эти песни могли бы быть и эпическими³³.

А. Ф. Гильфердинг, а за ним и другие исследователи считали, что былинную традицию на Севере поддерживали также поэтическая одаренность северных крестьян и вера в чудесное. Н. Е. Ончуков так писал об этом: «Чудесное в былинах для печорца совсем, впрочем, не представляется чем-то особенным. Этим чудесным полна его действительная жизнь, мир его окружающий полон чудес и необъяснимостей: в реках и особенно озерах обитают водяные, в лесу — лешие, в собственном доме за печкой хозяйничает домовая, вокруг — оборотни, ведьмы, шишки, колдуны, которые — рассерди их — и ныне обратят в гнедого тура»³⁴. Но ведь в колдунов, леших и домовых верили в прошлом и крестьяне тех русских губерний, в которых былины не были распространены.

То же следует сказать и о «поэтической одаренности русских крестьян». Можно не сомневаться, что она была присуща крестьянам не только северных губерний России, но и многих других, где былины не записаны.

Таким образом, все перечисленные причины могли лишь способствовать консервации былинной традиции, но отнюдь не обуславливать ее.

Выявить основную причину распространения и сохранения былины на русском Севере помогает изучение размещения здесь былинных очагов. Рассмотрим внимательно карту. Бросается в глаза тот факт, что очаги былинной традиции сосредоточены в северо-западной части русского Севера, в районах Лодейного поля, Вытегры, Кижей, Пудожя, Толвуя, Водлозера, Кенозера, Моши, Выгозера, на Терском, Поморском и Зимнем берегах Белого моря, на реках Пинеге и Кулое, Мезени и Печоре. В юго-восточной части рассматриваемой области (бассейны Сухоны, Юга, Вычегды, Камы и Вятки) былинных очагов нет³⁵, хотя условия, способствовавшие сохранению былины, действовали здесь в той же степени, что и в Архангельской и Олонецкой губерниях. Не было недостатка и в собирателях, посещавших этот край, достаточно вспомнить П. Саввайтова, Г. О. Дютша и Ф. М. Истомина, Н. Иваницкого, Ф. Студитского³⁶.

Неравномерность распространения былины на русском Севере связана, по-видимому, с историей колонизации края. Как установлено историческими, этнографическими и лингвистическими исследованиями, эта область была заселена русскими сравнительно поздно (главным образом в XII—XVII вв.), причем северо-западная часть русского Севера подвергалась новгородской, а юго-восточная часть — ростовской, или так называемой низовской колонизации.

Сопоставляя районы размещения былинных очагов и районы, по которым двигалось население из Новгородской губернии, обнаруживаем почти полное их совпадение³⁷. Упомянутые в древнейших письменных документах погосты, расположенные на путях, по которым шло население (Свирь, Онежское озеро, Водла, Онега, оттуда по Емце на Нижнюю Двину, затем на Терский и Карельский берега Белого моря, Мезень и

³³ В. Ф. Миллер, Наблюдения над географическим распространением былины, стр. 72.

³⁴ Н. Е. Ончуков, Печорские былины, СПб., 1904, стр. XXII.

³⁵ Случайная запись былины, вернее былинного отрывка (Ф. М. Истомин, Г. О. Дютш, Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Костромской летом 1893 г., СПб., 1899, стр. 39—40), не может свидетельствовать даже о слабой эпической традиции в этом районе.

³⁶ П. И. Саввайтов, Вологодские песни, «Москвитянин», 1841, ч. II; Ф. М. Истомин, Г. О. Дютш, Указ. раб.; «Песни, сказки, пословицы и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии», Вологда, 1960; «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студитским», СПб., 1841.

³⁷ Конечно, полного совпадения быть не может. Так, былины почти нет на исконной Новгородской территории, где, кстати, и не действовали в той мере, как на Севере, причины, способствовавшие сохранению эпоса.

Печору),³⁸ размещены в районах былинной традиции. Показательны в этом отношении этнографические и антропологические исследования, проведенные в недавнее время М. В. Витовым³⁹. Ареал выделенного им ильменско-беломорского типа, который он связывает с миграцией населения из бассейнов Ильменя и Волхова, в основном совпадает с ареалом былинных очагов. Сравнение же карты размещения былин с диалектологическими картами показывает, что былинному ареалу соответствует область распространения двух северновеликорусских диалектов: северного (поморского) и частично олонецкого⁴⁰. Юго-восточная часть русского Севера, как выявляется при изучении древних письменных документов, антропологических и лингвистических данных, была заселена выходцами из Ростово-Суздальской земли⁴¹. В этой части былинная традиция отсутствует. Нет ее и в тех районах, где низовская колонизация перекрыла более раннюю, новгородскую — водораздел Сухоны и Ваги, среднее и верхнее течение рек Онеги и Северной Двины.

Все сказанное свидетельствует о том, что распространение былин на русском Севере можно связать только с новгородской колонизацией⁴². То обстоятельство, что низовская колонизация не принесла былин на Север, дает основание утверждать, что в Ростово-Суздальской земле былин не было во всяком случае в XIV—XV вв. (в период усиленной колонизации).

Можно предположить, что в XIV—XV вв. былин не было и во всех остальных областях, в которых также, как и в бывших землях Ростово-Суздальского княжества, не была зафиксирована былинная традиция в конце XIX — начале XX в. Это касается центральных и южных губерний России, а также Украины и Белоруссии. Такое предположение возможно еще и потому, что у нас нет убедительных доказательств в пользу противоположного мнения о широком распространении в прошлом былин повсюду в России, Белоруссии и на Украине.

Обычно для доказательства наличия в прошлом былинной традиции исследователи ищут следы былевого эпоса в других фольклорных жанрах. Особое место в этой связи было уделено украинским и белорусским сказкам и легендам, в которых содержатся былинные эпизоды или упоминаются имена некоторых былинных героев⁴³. Однако сходство эпизодов и даже имен былинных героев во многих случаях не доказано и вызывает споры среди фольклористов. Достаточно вспомнить полемику между Н. П. Дашкевичем и А. Н. Веселовским, с одной стороны, и Н. Ф. Сумцовым, с другой, относительно правомерности сближения

³⁸ А. Н. Насонов, *Русская земля и образование территории древнерусского государства*, М., 1951, стр. 93, сл.

³⁹ М. В. Витов, *Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера*, «История СССР», 1964, № 6; его же, *Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII—XVII вв.)*, М., 1964.

⁴⁰ Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков, *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе*, М., 1915; Р. И. Аванесов, *Очерки русской диалектологии*, М., 1949; П. С. Кузнецов, *Русская диалектология*, М., 1951.

⁴¹ А. Н. Насонов, *Указ. раб.*, стр. 189, сл.; М. В. Витов, *Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера*; Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков, *Указ. раб.*; Р. И. Аванесов, *Указ. раб.*; П. С. Кузнецов, *Указ. раб.*

⁴² Гипотезу о том, что северные былины связаны с колонизацией из Новгорода, выдвинул впервые В. Ф. Миллер. Однако он основывался главным образом на сборниках былин из Олонецкой губернии. Сборники из Архангельской области были составлены позднее. Это, вероятно, не позволило Миллеру более четко выразить мысль, что только новгородская колонизация принесла былины на Север, и он надеялся, что их можно будет найти и в Вологодской губернии, заселенной из Ростово-Суздальской земли. (В. Ф. Миллер, *Наблюдения над географическим распространением былин*, стр. 77). К тому же история колонизации во времена Миллера была изучена слабо.

⁴³ Подробная сводка такого материала содержится в книге А. М. Лободы (*Указ. раб.*, стр. 90—100).

Алеши Пирятинского из «Думы о буре на Черном море» с былинным Алешей Поповичем⁴⁴. Кроме того, возможно позднейшее книжное или лубочное происхождение этих легенд и сказок. И наконец, эти сказки так же мало говорят о существовании былин в соответствующих областях, как и сказки на былинные сюжеты, записанные у финнов, латышей, якутов, удмуртов и др.⁴⁵. Собираателям удалось даже записать русские былины среди нерусского населения⁴⁶, однако никто не станет искать у него следов древней былинной традиции.

В качестве доказательства наличия былинной традиции на Украине и в Белоруссии исследователи ссылаются на известную отписку 1574 г. оршанского старосты Кмиты Чернобыльского к кастеляну Троицкому Остафию Воловичу, а также на записки Эриха Лассоты — посла римского императора — который побывал в 1594 г. в Киеве. В отписке упоминаются Илья Муромец и Соловей Будимирович, а в записках — гробница Ильи Муромца⁴⁷. Но ведь это в лучшем случае свидетельствует лишь о распространении на Украине и в Белоруссии сказаний об Илье Муромце!

Нельзя согласиться, на мой взгляд, и с М. М. Плисецким, который на основании собранного им материала о «связях произведений украинского фольклора и русского эпоса (былинные мотивы и упоминания былинных богатырей в украинских думах, обрядовых песнях, народных преданиях) пишет о прочной былинной традиции на Украине⁴⁸.

Сравнительное изучение эпосов различных народов показало, что существуют международные сюжеты (а это больше, чем общие мотивы, сходные ситуации и т. п.), на основании которых, однако, нельзя устанавливать генетические связи между эпосами.

Свидетельством былинной традиции могло бы служить наличие в произведениях других жанров поэтических приемов, характерных для былин. А. М. Лобода исследовал с этой точки зрения поэтику белорусских песен и пришел к выводу, что специфически былинных приемов в ней нет⁴⁹. М. М. Плисецкий, проводивший аналогичные исследования поэтики украинских дум и русского эпоса, обнаружил мало общих приемов да и те, по его словам, характерны для всего песенного фольклора⁵⁰.

Б. П. Кирдан пишет о полном отсутствии общих приемов в поэтике украинских дум и русских былин⁵¹. В районах же былинной традиции по художественным особенностям былинам близки многие песенные жанры: причитания, заговоры, свадебные песни.

Об отсутствии былин (или раннем их исчезновении) в несеверных областях свидетельствуют исторические песни, время создания которых, в отличие от других фольклорных жанров, можно точно датировать. Как показало исследование этих песен, только исторические песни Севера

⁴⁴ Н. Ф. Сумцов, К думам об Алексее Поповиче, «Киевская старина», 1894, № 1.

⁴⁵ А. Н. Веселовский, Мелкие заметки к былинам, «Журнал Министерства народного просвещения», 1890, март; А. М. Астахова в исследовании «Народные сказки о богатырях русского эпоса» (М.—Л., 1962) приходит к выводу: «На основе одних только сказок в определенном районе нельзя утверждать, что здесь существовала былинная традиция и сказки являются переоформленными остатками ее, так как эти сказки могли быть занесены и устным и письменным путем» (стр. 66).

⁴⁶ П. Н. Рыбников записал несколько былин от карелок Дмитриевой (Указ. раб., т. I, стр. 86—89) и Лазаревой (Указ. раб., т. II, № 103—109). Н. Е. Ончуков слышал несколько былин от коми-ижмцев, «распевавших их на ломаном русском языке» (Указ. раб., стр. VIII).

⁴⁷ А. Н. Веселовский, Южнорусские былины, СПб., 1881, стр. 61—64; А. М. Лобода, Указ. раб., стр. 15.

⁴⁸ М. М. Плисецкий, Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса, М., 1963, стр. 385.

⁴⁹ А. М. Лобода, Белорусская поэзия и былевой эпос, «Этнографическое обозрение», 1895, № 2.

⁵⁰ М. М. Плисецкий, Указ. раб., стр. 307.

⁵¹ Б. П. Кирдан, Украинский народный эпос, М., 1965, стр. 324.

по своим художественным особенностям сходны с былинами. Об этом писали многие исследователи. «Иной раз даже затруднительно провести какую-либо твердую грань между тем и другим видом устных произведений. Так, например, песня об историческом лице — Матрюке — с полным правом может называться былинной. „Наезд литовцев“ по всей вероятности, является песней, превратившейся, благодаря утрате точных фактических данных, в былинную; песня о Петре Великом, который вознаграждает молодца за правдивый ответ, скорее былина-баллада»⁵². Близость исторических песен к былинам отмечает и В. Ф. Миллер. «В области былинной традиции, в Олонецкой и Архангельской губерниях, — писал он, — историческая песня значительно изменила свой первоначальный характер под влиянием эпических шаблонов»⁵³. Ту же тенденцию можно увидеть в исторических песнях Западной Сибири, былинная традиция которой связана с Севером. Напротив, исторические песни центральных и южнорусских губерний по своим художественным особенностям значительно отличаются от северных. В центральных губерниях они сближаются с лирическими песнями и романсами и стилистически, и по характеру исполнения. Исторические песни, записанные в южнорусских губерниях, близки к песням центральных губерний⁵⁴.

Все это дает основание заключить, что ко времени появления исторических песен в центральных и южнорусских губерниях и исторических дум на Украине, т. е. к XV—XVI вв., былинная традиция там или уже не существовала или была настолько слабой, что не нашла отражения в исторических песнях.

Доказательством отсутствия былинной традиции в несевверных областях в прошлом служит и тот факт, что в Сибири, заселявшейся с XVI в. из разных областей России, Украины, Белоруссии, эпическая традиция зафиксирована только в районах, колонизованных с русского Севера. Сравнительное изучение состава былинного эпоса показало также, что известные нам былины, в том числе и из сборника Кириши Данилова, восходят к одному источнику, и, следовательно, связаны с новгородской колонизацией⁵⁵.

Все это позволяет предположить, что дошедшие до нас былины являлись в прошлом достоянием только Новгородской земли, откуда они позднее распространились с колонизационным потоком⁵⁶.

* * *

Таким образом, метод картографирования былин дает возможность наглядно представить размещение былинных очагов. В России в конце XIX — начале XX в. былинные очаги были сосредоточены главным образом в районах Европейского Севера, причем только в местах новгородской колонизации. В областях же, где преобладала низовская колонизация, былин нет. Это, в свою очередь, дает основание утверждать, что к XIV—XV вв., времени усиленной колонизации из Ростово-Суздальской земли, былин там не было.

⁵² А. Н. Лозанова, Русские исторические песни, Сб. «Фольклор Карело-финской ССР», вып. 1, Петрозаводск, 1941, стр. 60.

⁵³ В. Ф. Миллер, Русские исторические песни из Сибири, «Известия Отделения русского языка и словесности», СПб., 1904, т. 9, кн. 1, стр. 22.

⁵⁴ В. К. Соколова, Распространение русских песен о событиях XVI — начала XIX в., «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1957, вып. XXVII, стр. 8.

⁵⁵ В. Ф. Миллер, Наблюдения над географическим распространением былин; Б. Соколов, О былинах, записанных в Саратовской губернии, «Культура» (научное приложение), 1922, № 1, январь.

⁵⁶ Это разумеется не исключает существования в прошлом в других русских землях произведений об эпических героях (в форме преданий, сказок или даже недошедших до нас эпических песен), однако былинная традиция, с ее строго определенными сказительскими приемами, скорее всего не была достоянием этих областей.

Можно предположить, что в XIV—XV вв. былины отсутствовали в центральных и южных областях России, а также на Украине и в Белоруссии. Это подтверждается и анализом традиционного фольклора, прежде всего, исторических песен и дум.

Следовательно, известная нам былинная традиция является новгородской интерпретацией русского эпоса.

SUMMARY

Russian epos is studied by the aid of mapping. The map is based on data from *bylina* anthologies of late XIX—early XX centuries. The map shows that the *bylina* tradition is limited to the north of European Russia. But even within this region a clear-cut area is formed embracing its north-western part. A comparison of this *bylina* area with evidence from a number of historical sources shows that centres of heroic epos (the *bogatyr* epics) are located only in areas colonized by Novgorod. There are no *bylinas* in regions predominantly colonized from Rostov-Suzdal territory. This leads to the conclusion that at the time of intensive colonization of the North from Rostov-Suzdal territory (XIV—XV centuries) there was no *bylina* tradition there. The absence of *bylinas* in this territory, as also their absence in the XIX century in most of Russia, the Ukraine and Byelorussia suggests that at that time they existed nowhere except in Novgorod territory. This, together with the fact that the *bylina* epos as a whole originates from one source, permits the assumption that the known epical tradition has a Novgorod origin.
